

— Сяо Бай, дело нечисто, — тихо проговорил Ян Е. — Когда ты ходил разведать обстановку, тебя никто не заметил?

Бай Тинби мгновенно напрягся.

— Заметили? Не заметили? Не могу утверждать наверняка. Но помощник министра Цзин точно вышел уже после нас. Я едва успел проскочить назад перед ним. Вдруг он сообразил, что двоих не хватает?

— Трудно сказать, — нахмурился Ян Е. — Но куда подевалась вся стража? Ладно ещё служанки, дворец огромный, но как он может стоять совершенно пустым?

Темнота ночи казалась бездонной и вязкой. Ян Е прислушался к звенящей тишине.

— Идём. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Двигаясь по памяти, они пробирались на ощупь к южной стене дворца. Когда серая громада стены уже показалась впереди, им преградили путь. Из темноты шагнул Цзинь Яжэнь, по-прежнему щеголявший в роскошных шелках, а рядом с ним стоял Цзин Хуайюй. За их спинами глухой черной стеной выстроились вооруженные стражники. Несколько гвардейцев Ичжэнь тоже были здесь, но держались поодаль, охраняя лишь самого Цзин Хуайюя.

Поняв, что их ждали уже давно и уйти незамеченными не удастся, Ян Е не стал больше прятаться и открыто вышел из тени, увлекая за собой Бай Тинби.

Цзинь Яжэнь изящно улыбнулся:

— И куда же это направляются наши прекрасные гости из Срединной равнины?

Ян Е нагло усмехнулся:

— Что, господин принц-консорт, коленки размять решили? Неужто вспахивать бескрайнее лоно старшей принцессы вам уже наскучило, раз вы торчите здесь посреди ночи ради нас?

Колкость не задела Цзинь Яжэня. Сделав несколько неторопливых шагов навстречу, он плавно улыбнулся:

— А вы и впрямь недурны собой, если присмотреться. К чему же было прятать такую красоту? Редко к нам в руки сами идут подобные сокровища. Было бы грехом не оказать вам должного гостеприимства. Эй! Взять их!

Прежде чем приказ сорвался с его губ, Ян Е и Бай Тинби одновременно рванулись вперед. Их цели совпали без слов: оба бросились на Цзин Хуайюя. Захватить его в заложники было единственным шансом связать руки Цзинь Яжэню. Однако принц-консорт предвидел это — стражники мгновенно преградили им путь, оттеснив помощника министра назад.

Ян Е с яростным выкриком подпрыгнул, нанося резкий удар ногой. Едва враг отпрянул, уклоняясь, юноша развернулся всем телом, скользнул к нему вплотную и единым движением вырвал из рук тяжелое копьё. Развернувшись, он с силой крутанул оружие по широкой дуге. В этот удар он вложил всю свою внутреннюю силу — раздался оглушительный свист рассекаемого воздуха. От мощного столкновения клинков у стражников Сицзя занемели руки; те, что были послабее, не удержали оружие, и оно со звоном полетело на камни. В рядах нападавших поднялась сумятица.

Бай Тинби не упустил момента: увернувшись от выпада, он перехватил чужую саблю. Прижавшись спина к спине, они начали медленно отступать к стене, отбивая наседавших врагов.

Врагов было слишком много — они накатывали волна за волной, словно прилив, заставляя драться за каждый дюйм земли. Сражение длилось уже около получаса, а вырваться из этого кольца так и не получалось. И всё же они смогли немного приблизиться к стене. В разгаре схватки Ян Е мельком глянул вдаль: Цзин Хуайюй стоял, небрежно скрестив руки на груди, и о чём-то весело переговаривался с Цзинь Яжэнем, указывая на дерущихся пальцем.

Ярость обожгла грудь Ян Е изнутри.

«Ах ты, паршивый предатель! Если я выберусь отсюда живым, клянусь, наступит день, когда я лично выпущу тебе кишки!»

На востоке уже брезжила рассветная полоса. Медлить было нельзя: когда взойдет солнце, даже если они преодолеют стену, выбраться из города Юньчжун станет невозможно. Сердце Ян Е сжалось от тревоги. Отбивая очередной выпад, он крикнул через плечо:

— Сяо Бай! Если запахнет жареным, уходи один. Я крупнее, всё внимание будет на мне. Я отвлеку их, а ты прыгай через стену. Твоя задача — добраться до Юньци и всё ему рассказать!

Понимая, какая ответственность ложится на его плечи, Бай Тинби отозвался без колебаний:

— Понял! Всё сделаю!

— Мужской ответ! — подбодрил его Ян Е, едва успевая уворачиваться от летящих лезвий.

Они пробивались дальше. На одежде обоих уже расплывались пятна крови от множества мелких порезов, но, к счастью, ни одна рана не была глубокой. Ян Е орудовал копьём с

бешеной скоростью, заставляя врагов держаться на расстоянии. И вот до стены оставалось всего ничего. Заметив это, Цзинь Яжэнь почувал неладное и закричал:

— Перекройте им путь к южной стене! Не дайте уйти!

Десятки стражников живым щитом преградили им путь. Ян Е лишь зло заскрежетал зубами. Выждав нужный момент и точно рассчитав расстояние, он резко взмахнул копьем, обрушивая на врагов шквал сокрушительных ударов. Острые взмывало вверх, разбрасывая нападающих в стороны; под крики ужаса стражники Сицзя разлетались один за другим. Воспользовавшись секундным замешательством врагов, Ян Е внезапно развернулся и направил древко копья прямо на Бай Тинби. Стражники на миг опешили, решив, что он бьет по своему, но Ян Е ловко подцепил юношу под пояс и с силой подбросил вверх:

— Уходи!

Бай Тинби, поймав инерцию этого мощного толчка, взмыл в воздух, словно стремительный ястреб, и легко перемахнул через высокую стену.

— Какая легкая поступь! — удивленно выдохнул Цзинь Яжэнь. — Живо отправить людей в погоню! Взять его живым или мертвым, из города он уйти не должен!

Часть стражников тут же бросилась исполнять приказ, разделив силы. Однако стена, сложенная из гладких каменных плит, вздымалась ввысь больше чем на четыре чжана. Даже для мастера легких шагов вроде Бай Тинби преодолеть её без помощи Ян Е было почти невозможно. Что уж говорить о рядовых воинах Сицзя — никто из них не владел подобным искусством, поэтому им пришлось мчаться в обход, через южные ворота дворца.

Отдав последние силы на бросок товарища, Ян Е остался один на один с превосходящим противником. Силы стремительно таяли, отбиваться от нападающей толпы становилось всё труднее. И всё же он бился яростно, словно загнанный в угол вожак волчьей стаи — бросался из стороны в сторону, заставляя врагов пятиться, но кольцо вокруг него сужалось.

Ян Е понимал: сегодня ему отсюда не выбраться.

«До чего же обидно... Я ведь ещё так молод, пожить толком не успел, и вот так глупо подохнуть?» — тоскливо подумал он. Юньци и Ян Си наверняка будут горевать, а вот этот холодный Лин Шу, прознав о его кончине, небось только в ладоши хлопает от радости. И плевать ему будет, как преданно и усердно Ян Е ухаживал за ним. От этой мысли к горлу подкатил горький ком обиды.

Но раздумывать было некогда — натиск стражников нарастал, и Ян Е заставил себя выкинуть лишние мысли из головы. Сейчас оставалось только одно — забрать с собой на тот свет как можно больше врагов.

Цзинь Яжэнь заворуженно наблюдал за залитым чужой и собственной кровью Ян Е.

— Кто это вообще такая? Дерется как одержимая... Неужели это действительно баба?

Рассветное солнце поднималось всё выше, освещая поле боя. Цзин Хуайюй тоже присмотрелся к бьющейся фигуре и нахмурился:

— Чем дольше я на неё смотрю, тем сильнее она напоминает мне одного старого знакомого. Но тот человек — мужчина. Неужели... неужели это...

В этот момент за его спиной раздался негромкий голос:

— Господин Цзин, что здесь происходит?

Цзин Хуайюй резко обернулся. К ним в сопровождении нескольких стражников торопливо шел Лин Шу. Его одежда была в безупречном порядке, однако лицо казалось мертвенно-бледным и изможденным от усталости.

Цзин Хуайюй окинул прибывшего пронизательным, изучающим взглядом, но промолчал. Вместо него заговорил Цзинь Яжэнь, вкрадчиво пояснив:

— Эти двое пробрались во дворец под покровом ночи и вынюхивали тут и там. Я приказал схватить их, и они тут же показали свои истинные лица. Оказались на редкость умелыми мастерами. Один умудрился сбежать, а второго целая толпа стражников одолеть не может. Похоже, птица высокого полета.

Лин Шу удивленно вскинул брови и перевел взгляд на дерущегося. Одежда на Ян Е превратилась в изодранные в клочья лохмотья, сквозь которые сочилась кровь. Окруженный врагами, он шатался и спотыкался под градом ударов, походя больше на восставшего из могилы мертвеца, нежели на живого человека, но продолжал с бешеной яростью сжимать копьё, упрямо встречая лезвия врагов.

Пока Лин Шу хмурился, силясь разгадать эту шараду, Ян Е резко развернулся и встретился с ним взглядом. Сердце в груди юноши испуганно и сладко екнуло — надо же было умудриться растаять в шаге от гибели! Однако расплата за секундную слабость последовала незамедлительно: тяжелое древко вражеского копья с силой обрушилось ему на голень.

Потеряв равновесие, Ян Е с глухим стоном повалился на землю. Над ним уже занеслись смертоносные клинки. Понимая, что это конец, он в отчаянии выкрикнул первое, что пришло в голову:

— Муженёк! Это же я, твоя А-Хуа! Спаси меня, муженёк!

Этот вопль, подобно удару грома, прорезал звон оружия и крики стражи, безжалостно вонзившись в самое сердце Лин Шу. Он оцепенел, впившись взглядом в катающуюся по грязи фигуру.

Ян Е кое-как отбивался от наседающих копий, надрываясь от крика:

— Да на что ты там устался?! Спасай свою бабу! Неужто забыл, как я вчера у тебя в постели кувыркался?! Я же твоя А-Хуа!

В следующую долю секунды меч Чжэньбин со свистом покинул ножны. Серебряная вспышка вспорола полумрак. Лин Шу ураганом ворвался в гущу схватки, безжалостно круша чужое оружие. В одно мгновение он оказался перед Ян Е: правая рука его разила без промаха, отражая натиск, а левой он крепко ухватил юношу за шиворот и рывком поднял на ноги.

От столь неожиданного вмешательства Цзинь Яжэнь опешил.

— Прекратить бой! — поспешно выкрикнул он.

Стражники мгновенно опустили оружие и попятились, не сводя настороженных глаз с незваного заступника. Лин Шу резким движением убрал клинок в ножны.

— Господин принц-консорт, не уступите ли вы мне эту женщину?

Цзинь Яжэнь и Цзин Хуайюй застыли в немом изумлении. Прошло немало времени, прежде чем принц-консорт наконец выдал из себя смешок:

— У господина Лин весьма... изысканный вкус. Моё почтение.

Цзин Хуайюй сухо кашлянул:

— Господин Лин, вы уверены, что это вообще женщина?

Мысли Лин Шу лихорадочно вернулись к событиям прошлой ночи, и в его голове наконец начала складываться мозаика. Он искоса глянул на растрепанного Ян Е — черты его лица, скрытые под слоем копоти и грязи, казались всё более знакомыми. Пока Лин Шу одолевали смутные сомнения, Цзин Хуайюй с холодной усмешкой произнес:

— Господин Лин, этот человек до боли напоминает мне коекого другого. Сдается мне, перед нами собственной персоной маркиз Хуайнань, Ян Е!

Лин Шу вздрогнул, будто его ударило током, и брезгливо отшвырнул юношу от себя. Ян Е, всё

это время напряженно следивший за малейшим движением его лица, понял: дело дрянь. Облегчение на лице Лин Шу в один миг сменилось животным ужасом. Терять было нечего, упускать единственный шанс на спасение нельзя. Повинуясь инстинкту, Ян Е мертвой хваткой вцепился в его рукав:

— Выслушайте меня! Этот паршивец Цзин Хуайюй посреди ночи шушукался с принцем-консортом в кабинете! Наша империя Да Янь собирается платить Сицзя огромную дань и просить их конницу, чтобы уничтожить Чжао-вана! Это же чистой воды предательство, они пускают врага на порог! Я случайно подслушал их сговор, и эти твари решили избавиться от свидетеля! Неужели он провернул это за вашей спиной?!

Лин Шу застыл, лишившись дара речи. Только спустя несколько долгих секунд он выдавил севшим голосом:

— Про дань мне известно... Пятьдесят тысяч лянов серебра и пятьдесят тысяч рулонов шелка ежегодно в течение трех лет. В обмен на то, что Сицзя не станет тревожить наши границы. Ни о каком призыве чужеземного войска уговора не было, — он запнулся, глядя на юношу с содроганием. — Ты... ты действительно... Ян Е?

Лицо Ян Е было вымазано черной краской, но разрез глаз и очертания бровей выдавали его с головой. Заметив в глазах Лин Шу смесь отчаяния и панического страха, он вздохнул:

— Ладно, пусть так. Да, я обманул тебя, признаю. Но Цзин Хуайюй обвёл тебя вокруг пальца куда изящнее! Какое к черту «пятьдесят тысяч»?! Там двести тысяч лянов серебра и двести тысяч рулонов шелка ежегодно! И не на три года, а на десять лет! Десять! К тому же чужакам верить нельзя — если конница Сицзя перейдет границу, назад они уже не уйдут! Да, я мерзавец и лжец, но разве мои грехи сравнятся с его предательством?!

Слова признания окончательно выбили почву из-под ног Лин Шу. Гнев, жгучий стыд и полнейшее смтение смешались в его груди. Не зная, как реагировать, он чисто машинально потянулся к рукояти меча. Ян Е среагировал мгновенно — обвился вокруг его руки мертвой хваткой, не давая обнажить клинок:

— Лин Шу, Лин Шу! Хочешь прикончить меня — валяй, я не стану сопротивляться! Но умоляю, сделай это чуть позже! Сначала вытряси всю душу из этого ублюдка Цзина и его дружка-принца, узнай, что они замышляют за твоей спиной!

Ян Е трещал без умолку, заваливая его обвинениями и не давая прийти в себя. Наконец Лин Шу медленно поднял голову и ледяным тоном спросил Цзин Хуайюя:

— То, что он говорит... правда?

Поняв, что отпираться бессмысленно, Цзин Хуайюй небрежно пожал плечами:

— Всё так, господин Лин. Но такова воля Его Величества, нашего императора Да Янь. Я вовсе не собирался скрывать это от вас. Помните, когда мы были в лагере генерала Ло, я пытался завести разговор на эту тему? Однако вы оба восприняли идею в штыки, поэтому я решил избавить вас от лишних подробностей. Тайный указ государя священен, и я обязан его исполнить.

Ян Е тут же подлил масла в огонь:

— Слышал?! Он сам во всем сознался! Ты его непосредственный начальник, а эта мразь вертит тобой как хочет!

Лин Шу заметно вздрогнул. Стараясь сохранить самообладание, он процедил:

— Раз есть тайный указ, покажи его мне.

Чтобы усыпить бдительность Лин Шу, Цзин Хуайюй в свое время по приказу императора Ян Тао сразу же уничтожил свиток. Разумеется, предъявить ему было нечего. Помощник министра снисходительно улыбнулся:

— Помилуйте, господин Лин, это действительно личное распоряжение Его Величества. Если сомневаетесь, по возвращении в Лоян можете лично расспросить государя. Что же касается этого... хм, маркиза Хуайнань, коль скоро вы питаете к нему столь нежные чувства, что рука не поднимается нанести удар — воля ваша, забирайте его себе. У меня возражений нет.

От этой ядовитой издевки у Ян Е зубы закрипели от злости. Но он понимал, что после изнурительного боя у него не осталось сил пробиться сквозь стражу в одиночку. Вся его жизнь теперь висела на волоске, который держал Лин Шу. Сдерживая гнев, он поспешно добавил:

— Лин Шу! Если эти твари пустят чужеземцев в страну, защитники Трех застав взбунтуются! Они никогда не простят такого позора! Не веришь мне — спроси генерала Ло Ина!

Лин Шу прикусил губу. На его лице застыла маска ледяного безразличия, воздух вокруг словно остыл на несколько градусов. После долгого, мучительного молчания он наконец глухо произнес:

— Хорошо. Я сам спрошу об этом Ло Ина.

Он резко развернулся, собираясь уйти, но Ян Е мертвой хваткой вцепился в его рукав:

— Меня с собой заberi!